

«Äí åâí èê êðãñòüÿí èí à»
 èàè èñòî ÷í èê ï î èñòî ðèè
 ì èðî âî ççðáí èÿ ñãëüñêêî âî æèòàèÿ
 (1916 ã.)

КОНФЛИКТЫ и противоречия повседневной городской жизни полезно сопоставить с ритмом жизни псковской деревни того времени. Изучение психологии российского крестьянства накануне революции только начинается. Как пишет Т. Шанин, «культура крестьянства, в смысле социально обусловленных норм и знаний, являет такие типичные тенденции, как, например, преобладание традиционных и конформистских установок, специфические формы наследования собственности и нормы взаимопомощи. Крестьянская культура одновременно и отражает и усиливает специфические стороны и жизненный опыт малой сельской общности, и прежде всего личностный характер отношений, сильный взаимный нормативный контроль и общую практику возникающих в схожих экологических и социальных условиях отношений к чужакам»¹.

Основы повседневной жизни крестьянина, как правило, изучают по документальным материалам или текстам, созданным представителями образованного класса, не принадлежавшими к крестьянскому миру. Такие тексты, однако, внеположны по отношению к крестьянскому социуму и чаще всего, как, например, воспоминания князя Васильчикова, рисуют вполне трафаретную картину крестьянского мира². В нашем распоряжении имеется уникальный нарративный источник - дневник псковского крестьянина 1915-1916 гг. С 1 ноября 1915 г. по лето 1916 г. крестьянин д. Запятково Псковского уезда Петр Степанович Голубев вел дневник, который с 20

марта 1916 г. публиковался в периодическом издании «Вестник Псковского губернского земства»³.

Дневник представляет собой иногда сухие сводки погоды и урожайности, а иногда вполне беллетризованные «житейские» сюжеты, которые являются благодатной почвой для исследования. В современной исторической науке сформировалось влиятельнейшее научное направление в русле гуманитарных дисциплин, занимающихся изучением нарратива. Нарратология Р. Барта как научное направление предполагает проникновение «в смысловой объем произведения, в процесс означивания»⁴. Нашей задачей в данном случае будет реконструкция мировоззренческого горизонта псковского крестьянина. При оценке ментальности автора дневника следует отрешиться от представления, что реконструируется некий «средний» уровень крестьянской ментальности. Напротив, осознавая уникальность данного текста, мы попытаемся разглядеть в нем как следы воздействия традиционной крестьянской культуры, так и ростки нового представления о мире и человеке.

Изучая «Дневник крестьянина», мы сталкиваемся на первый взгляд с распространенным во второй половине XIX - начале XX в. явлением - почти синхронной публикацией создающегося дневника. Широко известны «Дневник писателя» Достоевского и «Опавшие листья» Розанова, прямо предназначенные для публикации. Эти тексты служили для их авторов действенным инструментом в литературной и общественной борьбе. С какой целью создавался дневник крестьянина? Возможно, это тоже был общественно-политический «заказ», и П.С. Голубев

Плисаk Мария Викторовна - аспирантка Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

составлял дневник, видимо, изначально рассчитывая на публикацию.

Поэтому на его страницах содержатся практические агротехнические рекомендации, реклама кооперативного движения, в котором автор играл активную роль, создавая местное потребительское общество (общественную лавку). Несомненно, автор «Дневника» не был рядовым крестьянином, и в этом смысле его нельзя считать средним представителем своего сословия. Главный интерес «Дневника» состоит в том, что автор представил широкий срез умонастроений и коммуникативной практики крестьянского мира. Исследование нарратива способно изменить ракурс наших представлений о предреволюционной деревне. Всестороннее изучение этого уникального источника позволит исследовать формы коммуникации и способы распространения информации в деревенском социуме.

Одним из устойчивых предрассудков советской исторической науки было представление о низкой информированности крестьян до 1917 г., во всяком случае, о традиционной структуре информационного потока, который составляли слухи, рассказы приезжих, проповеди священников. Частично правоту этого одностороннего взгляда признать можно. Все три информационных составляющих имели место в псковской деревне 1915-1916 гг., но они уже не доминировали в крестьянском социуме. Слухи касались событий по определению маргинальных: например об арестах торговцев самогоном или спиртом-денатуратом.

Первое место в информационном потоке в это время уже принадлежало прессе и печатным изданиям вообще. Начало XX века в России стало временем расцвета печатной периодики. Еженедельно в дневнике Голубева встречаются упоминания газет и журналов, и чтение становится обязательным фоном крестьянской повседневной жизни. Газеты вслух членам своей семьи читает сосед Голубева хуторянин А. М. Перец, крестьяне д. Запятково выменивают у офени на картофель несколько номеров газет⁵. Такая тяга к печатному слову может быть объяснена и широким распространением грамотности, и устанавливавшейся привычкой к получению систематизированной информации.

Сам П. С. Голубев читал своим соседям брошюру «Военный заем 1915 г.» - бесплатное приложение к «Сельскому вестнику». Внимание к таким специфическим частям газет, как приложения, свидетельствует о совсем не потребительском отношении Голубева к газете. В числе изданий на 1916 год, на которые оформляли подписку крестьяне, фигурируют газеты и журналы сельскохозяйственного профиля: «XX век», «Сельский вестник», «Хуторянин», «Земский агроном», «Сельский хозяин», «Прогрессивное садоводство», «Константиноградские сельскохозяйственные известия», «Южнорусская сельскохозяйственная газета», «Агрономический журнал», «Хлебород», «Сельскохозяйственный торговый листок» Харьковского общества сельского хозяйства.

В то же время в числе изданий присутствуют популярные газеты и журналы «Торговый листок», «Русский паломник», «Природа и люди», детский журнал «Золотая рыбка». Такие издания, как журналы «Стрелкоза», «Модный свет», «Женщина», «Хозяйка», выписывали крестьянки, грамотность среди которых была тоже распространенным, хотя и не повсеместным явлением. Чтение вслух было наиболее распространенным из зафиксированных в «Дневнике» развлечений крестьян. Читающие друг другу вслух женщины, преимущественно солдатки, постоянно присутствуют на страницах дневника П.С. Голубева. В круг их чтения входили издания «Попечение о солдатских семьях», «Наставления семьям лиц, призванных на войну», а также развлекательная беллетристика, например «Ночь у сатаны»⁶.

Существенно важную роль в составлении картины мира крестьян играли их собственные поездки за пределы деревни. Среди поездок, конечно, преобладали отъезды на работу и с коммерческими целями, но и они расширяли картину мира крестьянина. Как пишет Т. Шанин, «общепринятый взгляд на крестьян как на тяжелых на подъем, привязанных к земле людей - всего лишь предрассудок...»⁷. Связь с землей, по крайней мере временно, прерывалась осенью, и тогда поездки сельских жителей отнюдь не ограничивались ближней округой. Чаше всего крестьяне бывали в губернском городе Пскове,

но автор дневника, например, 6-11 января 1916 г. жил в Петрограде, «красоту» которого он оказался не в силах описать.

Петроград был наиболее близким к Псковской губернии из крупных городов империи, и местные крестьяне еще с XVIII в. практиковали поездки в столицу «в отход»⁸. Его знакомые и соседи ездили на заработки в Москву, Владимир, Самару и другие города, находившиеся на расстоянии более 1000 км от их места жительства. Самым любопытным является другое: П. С. Голубев упоминает эти города как хорошо знакомые географические объекты, органично входящие в его картину мира. Путешествующий крестьянин, по выражению Т. Шанина, был обычным явлением в российской деревне.

Гораздо менее важное место в распространении информации по сравнению с путешествиями играли проповеди священников. Синодальная эпоха в истории русской православной церкви привела к выхолащиванию миссионерской деятельности священнослужителей. Как констатирует Б. Н. Миронов, «мы имеем множество свидетельств современников о том, что со временем посещаемость церкви падала, соблюдение постов становилось менее строгим, заключались гражданские браки и т. д.»⁹. Падение авторитета и влияния приходского духовенства не могло быть компенсировано некоторым оживлением в начале XX в. монастырской жизни. Приуроченные к церковным праздникам, нравственно-бытовые беседы в условиях войны были целесообразны, но никаких намеков на получаемую в ходе проповедей новую информацию в дневнике П. С. Голубева нет.

Исчерпанность просветительской функции духовенства становится явной даже для сельской местности. Священнослужители привлекались и к пропагандистским акциям, в частности, 14 февраля священник С. Гривский «сказал речь об открытии Государственной думы». Дума как таковая и так не обладала слишком большим авторитетом в обществе; в устах же дискредитированного лектора ее открытие вряд ли произвело большое впечатление на слушателей. В целом можно констатировать глубокий упадок авторитета и влияния духовенства в крестьянской среде.

Существенно более важную роль в распространении информации играли сельские учителя, в частности учитель Сидоровской волости Г. В. Горский, неоднократно упоминавшийся в «Дневнике» как лектор-общественник. Роль земской интеллигенции в жизни дореволюционной деревни была исключительной. В феврале 1916 г. учитель Горский, например, читал и комментировал издания, побуждавшие к общественной дискуссии, в том числе брошюру «Как мы избавимся от немцев-колонистов». Явные агитационно-пропагандистские акции сочетались с политически нейтральными. В марте 1906 г. тот же Горский в помещении Чирской школы вел «чтение с туманными картинками», видимо, показ диафильмов с комментариями¹⁰. В идеологическом противостоянии церкви и школы в начале XX в. победа осталась явным образом за школой.

Война, судя по дневнику Голубева, не затрагивала непосредственно интересов и помыслов крестьян, хотя информацию о ходе войны крестьяне получали и осмыслили в позитивном ключе. Никаких следов пораженческих настроений в «Дневнике» не видно. Призванные на фронт грамотные крестьяне зачастую из-за убыли офицеров получали младшие командные чины, что придавало авторитет и вес их рассказам, вызывавшим живейший интерес крестьян. Интерес подогревался и близостью фронта, который в данный момент проходил под Двинском, в 210 км от деревни Запятково.

Так, приехавший в отпуск в родную деревню подпрапорщик В. Е. Евдокимов дал в целом весьма позитивную картину фронтовой жизни: «... пишу хвалил... солдаты привыкли к военной жизни... ничем на войне не обижены. Бывает на войне очень плохо во время боев, так что же поделывать, на то и война»¹¹. В ответах подпрапорщика чувствуются штампы стандартных ответов офицерам, но характер ответа не дает оснований подозревать Евдокимова в существенном искажении общего мнения солдатской массы. Аналогичную характеристику войне дал другой солдат М. Митрофанович: «Теперь не бойтесь немца, сюда не придет. У нас на войне дела идут прекрасно. Войска с одного места перебрасывают на другое очень скоро»¹².

В темах бесед, отраженных в «Дневнике», несмотря на войну, абсолютно доминируют мирные заботы, например финансы. Фискальные вопросы всегда занимали значительную часть жизненного горизонта всех категорий самодеятельного населения. Существенной новостью «Дневника» стало радикальное изменение характера информации о финансах, которая приобрела вместо конкретной осязаемой реальности, выражавшейся в наличных расчетах, виртуальное измерение, выразившееся в банковских вкладах, ссудах, процентах.

Значительную роль в распространении информации о займах и личных финансах вообще играли крестьяне-активисты различных кооперативно-потребительских обществ, в частности, сам автор дневника читал крестьянкам брошюру «Военный заем 1916 года» и убеждал их вкладывать деньги в грядущую победу. Система кредитной политики соответствовала и росту кооперативного движения в стране. «Дневник крестьянина» наглядно иллюстрирует выводы современных исследователей о развитой системе кооперации в России начала XX в. Как пишет В. П. Данилов, «за 1902-1915 гг. число кооперативов выросло с 1,6 тыс. до 35,2 тыс., они стали охватывать не меньше третьей части населения страны»¹³. Кооперация на самом чувствительном, низовом уровне способствовала росту индивидуальной, а не традиционной, общинной ответственности и существенно преобразила базовые ценности крестьянского социума.

Подводя итоги, следует сказать о том, что картина мира, проявившаяся в «Дневнике крестьянина» за ноябрь 1915 - апрель 1916 г., существенно отличается от хрестоматийной. Традиционно, в соответствии с постулатами социал-демократических учений, крестьянство считалось наиболее консервативной и отсталой частью социума. Анализируя «Дневник» и принимая во внимание некоторую ограниченность кругозора сельского

жителя, следует констатировать все-таки информированность крестьянина об основных событиях в регионе и стране. Голубев прекрасно осведомлен о положении на фронте и в стране, о новостях бюджетного и фискального характера, не говоря уже о местных губернских событиях.

На фоне этой информированности парадоксальным выглядит полное отсутствие упоминаний о царской власти и помещичьем землевладении. Дворянин как землевладелец присутствует на далекой периферии крестьянского дневника, что вполне соответствовало реальному положению дел: в 1905 г. удельный вес дворянского землевладения не превышал 13 % всех удобных земель и к 1916 г. должен был сократиться еще больше. Государство на страницах дневника присутствует в виде полицейских, преследующих нарушителей «сухого закона», или лесничего казенной лесной дачи. Полностью отсутствуют упоминания общины и такого важного общинного института, как земельные переделы.

Не в пример чаще на страницах дневника упоминается земство и подведомственные ему кооперативные общества. И кооперативы, и земства являлись действенными институтами активно формировавшегося в России гражданского общества. Изложенные наблюдения убеждают в том, что ментальность крестьянства в межреволюционный период подвергалась заметной и существенной трансформации. Место доминировавшего в сельской культуре «коллективного родового субъекта» постепенно занимал индивид, обладавший оригинальным, хотя и противоречивым взглядом на мир¹⁴. Можно предположить, что на страницы дневника не прорвались некоторые неподцензурные мнения и суждения, но в опубликованном виде дневник свидетельствует о трансформации крестьянской ментальности именно в направлении ценностей гражданского общества.

Примечание

- ¹ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 12-13.
- ² См.: *Васильчиков Б.А.* Воспоминания. Псков, 2003.
- ³ См.: Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии (Далее - ВПГЗ). 1916. № 10-11, 12, 14-15, 17, 20.
- ⁴ *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 425.
- ⁵ См.: ВПГЗ. 1916. № 10-11.
- ⁶ Там же. № 12.
- ⁷ *Шанин Т.* Путешествующие крестьяне и трудящиеся мигранты // Великий незнакомец: ... С. 151.
- ⁸ См.: История крестьянства северо-запада России. СПб., 1994.
- ⁹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 2000. С. 326.
- ¹⁰ См.: ВПГЗ. 1916. № 17.
- ¹¹ Там же. № 14-15.
- ¹² Там же. № 17.
- ¹³ Великий незнакомец... С. 320.
- ¹⁴ См.: *Левинсон А.Г.* Госзаказ на деовщину // Одиссей. М., 2006. С. 281.